

А.В. Дёмкина

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕДОБРОСОВЕСТНОЕ ВЕДЕНИЕ ПЕРЕГОВОРОВ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИИ И ФРАНЦИИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Рассматриваются относительно новые правила ст. 434.1 ГК РФ о ведении переговоров и вопрос о правовой природе преддоговорной ответственности. Проводится сравнительно-правовой анализ положений Гражданских кодексов России и Франции, приводятся различные позиции ученых по вопросу природы преддоговорной ответственности.

Ключевые слова: принцип добросовестности; переговоры; преддоговорное правоотношение; преддоговорные обязанности; преддоговорная ответственность.

Правила ст. 434.1 ГК РФ «Переговоры о заключении договора» действуют с 1 июня 2015 г. Научно-правовое обоснование правил о ведении переговоров в отечественной науке пока не сложилось, несмотря на то что требования добросовестности и справедливости были закреплены в ГК РФ задолго до реформы гражданского законодательства. Однако найти примеры в российской судебной практике, когда лицо привлекалось бы к возмещению убытков за недобросовестное ведение переговоров до 2015 г., не представляется возможным. При этом следует отметить, что принцип добросовестности законодательно был закреплен в ГК РФ еще в 2013 г., а фактически применялся ВАС РФ и ранее. А именно с принципом добросовестности во многих странах связывалась возможность привлечения к преддоговорной ответственности. Таким образом, для отечественной правовой системы характерно то, что преддоговорная ответственность за недобросовестное ведение переговоров введена именно через закрепление соответствующих правил в законодательстве. Судебная практика по применению ст. 434.1 ГК РФ только начинает складываться, и именно сейчас данный вопрос является актуальным. Уже имеется ряд исследований, проведенных после реформы гражданского законодательства 2015 г., включая и диссертации по указанной теме (см., например: [1]). Но в них рассматриваются только отдельные вопросы и аспекты преддоговорной ответственности, и пока не предложено правовой модели для обоснования сущности преддоговорной ответственности.

Во Франции же преддоговорная ответственность была сформирована именно судебной практикой, и привлечение к ответственности за нарушения на стадии переговоров до реформы договорного права Франции осуществлялось по правилам о деликтах.

Еще в 1883 г. Парижский апелляционный суд в соответствии с правилами о деликтах постановил возместить убытки лицу, которое до заключения договора, но в соответствии с предложением своего контрагента понесло расходы на рекламу товара, которым данные лица собирались торговать в будущем. По итогам переговоров договор между этими лицами так и не был заключен, а лицо, убедившее в необходимости рекламы и вышедшее из переговоров, открыло собственное дело по распространению уже прорекламированного товара [2. С. 208]. Очевидно, что такой

выход из переговоров будет недобросовестным, поскольку сделанное им предложение о рекламе порождает разумные ожидания контрагента на заключение с ним договора при выполнении условий, а кроме того, участник переговоров недобросовестно воспользовался преимуществами уже разрекламированного другим лицом товара.

Правовым основанием привлечения к преддоговорной ответственности до реформы были ст. 1382 и 1383 Гражданского кодекса Франции (ФГК). Статья 1382 ФГК закрепляет, что любое действие человека, причиняющее другому вред, обязывает лицо, виновное в его причинении, этот вред возместить [3. С. 377]. При этом любое лицо несет ответственность за вред, причиненный им не только в результате его действий, но и в результате его небрежности или неосторожности (ст. 1383 Гражданского кодекса Франции) [3. С. 377].

М.М. Якубчик пишет, что французские ученые исходили из того, что не существует договорной ответственности в отсутствие договора, поэтому период переговоров остается вне границ договорного права и жертва понесенных убытков должна была обращаться именно к ст. 1382 Гражданского кодекса Франции [2. С. 207–208].

Как отмечает автор, французские ученые рассматривали преддоговорную ответственность как нечто, ограничивающее свободу вступления в договорные отношения как часть более широкой категории свободы договора. А как следствие такой позиции французская доктрина была склонна признать право потерпевшей стороны на возмещение причиненных ей убытков на основе деликтного права, нежели уважать свободу стороны, причинившей вред необоснованным односторонним выходом из переговоров [2. С. 208].

Получается, что принцип генерального деликта позволял судам взыскивать чисто экономические убытки, причиненные, в том числе, неосторожными действиями и на этапе ведения переговоров. Сама преддоговорная ответственность рассматривалась как ограничение свободы договора.

После проведенной реформы договорного права Франции в Гражданском кодексе Франции появились правила о переговорах, которые устанавливают общие принципы ведения переговоров: принцип свободы переговоров (их инициирование, ведение и выход из переговоров осуществляются свободно) и принцип

добросовестности ведения переговоров (инициатива, продолжение и разрыв переговоров должны отвечать требованиям добросовестности (ст. 1112)).

Правилам о переговорах теперь посвящены три статьи – ст. 1112–1112-2 Гражданского кодекса Франции [4].

Итак, как и в ГК РФ, Французский гражданский кодекс (ст. 1112) предусматривает общее правило о свободе переговоров (что очень сильно напоминает п. 1 ст. 434.1 ГК РФ), устанавливает обязанность вести переговоры добросовестно (такая же обязанность установлена в абз. 1 п. 2 ст. 434.1 ГК РФ) и устанавливает пределы преддоговорной ответственности (в нашем случае это п. 3 ст. 434.1 ГК РФ).

Рассмотрим подробнее эти правила. Принцип свободы переговоров по Гражданскому кодексу Франции означает, что их инициирование, ведение и прекращение осуществляются свободно и бесплатно (ст. 1112 Гражданского кодекса Франции) [4]. Похожие правила закреплены и в Гражданском кодексе РФ. Согласно п. 1 ст. 434.1 ГК РФ, если иное не предусмотрено законом или договором, граждане и юридические лица свободны в проведении переговоров о заключении договора, самостоятельно несут расходы, связанные с их проведением, и не отвечают за то, что соглашение не достигнуто. Данные положения раскрывают принцип свободы договора, что предполагает, свободу как вступления в переговоры, так и выхода из них без объяснения причин, свободу ведения переговоров с несколькими контрагентами и т.п. Это также предполагает, что участники переговоров несут риски недостижения соглашения по результатам переговоров. Зачастую расходы на ведение переговоров могут быть значительными (аренда дорогостоящих залов, перелеты, расходы на юридическое сопровождение переговоров, привлечение экспертов и т.д.). Каждый участник переговоров несет такие расходы самостоятельно и не отвечает за расходы своих контрагентов.

Принцип добросовестности ведения переговоров по ст. 1112 ГК означает, что инициатива, продолжение и разрыв переговоров должны отвечать требованиям добросовестности [4]. Никакой детализации к требованию добросовестного ведения переговоров французское законодательство не устанавливает.

Согласно абз. 1 п. 2 ст. 434.1 ГК РФ при вступлении в переговоры о заключении договора в ходе их проведения и по их завершении стороны обязаны действовать добросовестно, в частности не допускать вступления в переговоры о заключении договора или их продолжения при заведомом отсутствии намерения достичь соглашения с другой стороной. Поскольку для отечественного правового порядка требование добросовестного ведения переговоров является новеллой и нет судебной практики по данному вопросу, то наш законодатель попытался сформулировать некие ориентиры для определения критериев добросовестного поведения на этапе переговоров. Один из самых распространенных примеров недобросовестного ведения переговоров из зарубежной практики – это вообще отсутствие желания заключить договор. Переговоры могут вестись для статуса, с целью получения инфор-

мации от контрагента, с целью отвлечь лицо от заключения договора со своим конкурентом и т.д. Причины могут быть разнообразными, действия такого субъекта являются недобросовестными, поскольку его контрагент по переговорам тратит время, деньги, иные ресурсы, а изначально известно, что договор заключаться не будет.

Как пишет О.В. Мазур, наиболее распространенные в судебной практике стран континентального права примеры недобросовестного поведения при переговорах связаны с первоначальным отсутствием намерения заключить договор: вступление в переговоры с целью получения от другой стороны важной для бизнеса информации либо исключительно с намерением подчеркнуть свою коммерческую привлекательность в глазах других контрагентов и т.д. [5. С. 198–199].

Кроме закрепления общего требования добросовестного ведения переговоров ГК РФ устанавливает и презумпции недобросовестного поведения на этапе переговоров. Недобросовестными действиями при проведении переговоров предполагаются:

1) предоставление стороне неполной или недостоверной информации, в том числе умолчание об обстоятельствах, которые в силу характера договора должны быть доведены до сведения другой стороны;

2) внезапное и неоправданное прекращение переговоров о заключении договора при таких обстоятельствах, при которых другая сторона переговоров не могла разумно этого ожидать (п. 2 ст. 434.1 ГК РФ).

При формулировании данной нормы разработчики ГК РФ также учли зарубежный опыт и в презумпции недобросовестного ведения переговоров включили самые распространенные примеры недобросовестного поведения на преддоговорном этапе. Эти примеры касаются, во-первых, нарушения процесса переговоров (последовательность ведения переговоров, никто не должен беспричинно прерывать переговоры), во-вторых, обязанности предоставлять определенную информацию (обман или замалчивание важных для договора сведений недопустимы) [6. С. 93].

Если, согласно общим положениям ст. 10 ГК РФ добросовестность участников гражданских правоотношений и разумность их действий предполагаются и это означает, что лицо, которому на стадии переговоров причинены убытки, должно в суде доказать недобросовестность его контрагента, то п. 2 ст. 434.1 ГК РФ устанавливает презумпции недобросовестного поведения и доказать обратное должна будет виновная сторона. Сами презумпции (п. 2 ст. 434.1 ГК РФ) являются опровержимыми. И даже если по формальным признакам ясно, что лицо со своим контрагентом прекращает переговоры внезапно, но основания для такого поведения есть и при их доказанности, действия лица не будут считаться недобросовестными (например, стало известно о фактах каких-либо правонарушений или о браке в продукции и т.п., что может оказать влияние на решение о заключении договора).

Кроме закрепления принципов ведения переговоров ст. 1112 Гражданского кодекса Франции устанавливает и пределы ответственности: в случае виновного нарушения переговоров компенсация причиненно-

го ущерба не может быть направлена на компенсацию неполученных доходов, ожидаемых от незаключенного договора (потеря шанса получить выгоду) [4].

При этом сразу отметим, что пределы ответственности в виде «потери шанса получения выгод» появились в указанной норме уже после реформы (а именно 10 апреля 2018 г., когда было внесено дополнение в Кодекс в связи с принятием Закона о ратификации реформы) [7]. В целом можно констатировать, что с точки зрения возмещаемых убытков французский законодатель придерживается принципа защиты только «негативного интереса» в случае нарушения преддоговорной обязанности вести себя добросовестно (т.е. лицо должно быть поставлено в такое положение, которое бы у него было, если оно не вступило бы в переговоры – компенсируются негативные последствия). «Позитивный интерес», заключающийся в признании наличия договора и компенсации всего, что могло быть получено по такому договору, в данном случае взыскать невозможно, поскольку никто не может гарантировать, что по результатам переговоров был бы заключен договор и какими могли бы быть условия такого договора.

Возмещение в виде «негативного интереса» закреплено и в п. 3 ст. 434.1 ГК РФ. Согласно названной норме убытками, подлежащими возмещению недобросовестной стороной, признаются расходы, понесенные другой стороной в связи с ведением переговоров о заключении договора, а также в связи с утратой возможности заключить договор с третьим лицом. Необходимо сразу отметить, что в силу отсутствия наработанного материала по данному вопросу разработчики постарались конкретизировать преддоговорные убытки, а в результате получилось, что норма права содержит всего лишь два вида убытков: расходы на переговоры (аренда залов, расходы на подготовку документов и т.п.) и потеря шанса заключить договор с 3-м лицом. Такой подход, конечно же, нельзя признать верным. И исходя из того, что абз. 1 п. 3 ст. 434.1 ГК устанавливает общее требование: сторона, которая ведет или прерывает переговоры о заключении договора недобросовестно, обязана возместить другой стороне причиненные этим убытки, то получается, что абз. 2 п. 3 ст. 434.1 ГК называет примерный перечень убытков, подлежащих возмещению.

Эта позиция находит свое подтверждение и в разъяснениях Верховного суда РФ. Согласно п. 20 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» в результате возмещения убытков, причиненных недобросовестным поведением при проведении переговоров, потерпевший должен быть поставлен в положение, в котором он находился бы, если бы не вступал в переговоры с недобросовестным контрагентом. Например, ему могут быть возмещены расходы, понесенные в связи с ведением переговоров, расходы по приготовлению к заключению договора, а также убытки, понесенные в связи с утратой возможности заключить договор с третьим лицом (ст. 15, п. 2 ст. 393, п. 3 ст. 434.1, абз. 1 п. 1 ст. 1064 ГК РФ) [8].

Таковы общие правила о переговорах и об ответственности за их недобросовестное ведение. Кроме того, отдельная статья Французского гражданского кодекса посвящена обязанности по информированию контрагента, при этом эту обязанность, как отмечают практикующие юристы, стороны не смогут ограничить или исключить своим соглашением [9]. Это ст. 1112-1 Французского гражданского кодекса, согласно которой:

– во-первых, если сторона обладает информацией, имеющей решающее значение для выражения согласия на заключение договора другой стороной, такая сторона должна сообщить об этом контрагенту, если последний не знает и не должен знать эту информацию или исходит из доверия к своему контрагенту;

– во-вторых, такая обязанность по информированию не может касаться оценки стоимости предоставления. Информация будет иметь решающее значение для согласия на заключение договора, если она имеет прямую и необходимую связь с содержанием договора или качеством сторон. Это важная новелла, возможно, ее стоит взять на заметку, поскольку добросовестность в части определения цены или предоставления информации о действительной стоимости товара (услуги, работы и т.д.) является весьма спорным вопросом еще и с учетом того, что контрагенты здесь имеют противоположный интерес. Возможно закрепление подобного правила и в ГК РФ о том, что информирование о стоимости не относится к обязанностям добросовестного участника переговоров, однако с рядом исключений из него, например, когда речь идет об информировании потребителя или эта обязанность вытекает из существа соответствующего обязательства;

– в третьих, та сторона, которая утверждает, что определенная информация должна была быть ей предоставлена, должна доказать, что другая сторона обязана ей предоставить такую информацию. В этом случае другая сторона должна доказать, что она предоставила данную информацию;

– в-четвертых, кроме ответственности стороны, которая должна была предоставить информацию, невыполнение этой обязанности может повлечь за собой аннулирование договора в соответствии с условиями, предусмотренными в ст. 1130 и последующих [4].

Таким образом, в ФГК более или менее конкретно прописаны требования к добросовестности ведения переговоров только в части информирования участниками переговоров друг друга и вопрос распределения бремени доказывания в этой части. Сами принципы свободы ведения переговоров и добросовестности ведения переговоров законодательной конкретикой не содержат. Последнее связано и с тем, что судебная практика Франции к моменту законодательного закрепления этих требований уже сложилась и с тем, что сложно или даже невозможно дать определение понятию «добросовестность». Как еще писал И.Б. Новицкий, добросовестность больше чувствуется и угадывается, чем поддается логическому объяснению [10].

Итоги реформы договорного права Франции оцениваются юристами по-разному. Так, кто-то говорит о

расширении дискреционных полномочий суда, что, в свою очередь, может привести к снижению уровня правовой определенности норм. Например, по мнению Жан-Люка Сулье, ряд новых принципов должен повлечь изменение роли судьи в разрешении спора между сторонами контракта, в частности, такие изменения, как обязанность добросовестного исполнения контракта или обязанность информирования своего контрагента на стадии заключения договора [9]. Другие авторы, напротив, исходят из того, что эти поправки всего лишь кодифицируют уже давно применяемые судами правила, а это значит, что участник гражданского оборота, основывающийся на Французском гражданском кодексе, сможет сейчас более реалистично оценить свою правовую ситуацию и перспективы, при этом усматривается, что полномочия суда уменьшились, поскольку сейчас они введены в установленные законом рамки [11].

Так или иначе, если нужно будет применять принцип добросовестности, часть вопросов будет передана на усмотрение судьи, что очевидно вытекает из положений ст. 1112 Гражданского кодекса Франции, закрепляющей только общее правило о свободе переговоров и добросовестности ведения переговоров.

Несмотря на то что в положениях Гражданского кодекса Франции ничего не сказано о правовой природе преддоговорной ответственности, в Докладе Президенту Франции о реформе договорного права (поправки от 10 февраля 2016 г.) отмечается, что такая ответственность имеет внедоговорную природу, если только не будет заключено соглашение между участниками переговоров, определяющее их отношения в ходе переговоров [12].

В. Величко также отмечает, что после состоявшейся реформы сомнений в деликтном характере ответственности не возникает, и если раньше преддоговорные обязательства по информированию Кассационный суд вынуждено связывал с правилами о договоре купли-продажи (ст. 1134, 1135 и 1615 Гражданского кодекса Франции), то сейчас они закреплены в отдельной статье [13]. Автор обосновывает, что преддоговорная ответственность является деликтной, поскольку она локализована в преддоговорном периоде, и ни один договор не может быть заключен в результате прекращения переговоров, поэтому основанием ответственности является ст. 1240 Гражданского кодекса Франции (а до реформы – ст. 1382) [13].

Как отмечается в докладе Президенту Республики, если бы был заключен какой-либо предварительный договор во время переговоров или в ожидании их или любой договор, который регламентирует отношения сторон на этапе до заключения основного договора, то нарушение его положений повлечет договорную ответственность [12].

Представляется, что в этих случаях как при наличии соглашений о переговорах, так и без них, по сути, речь идет об одном и том же организационно-переговорном отношении и на его правовую природу не должно влиять, каким способом стороны вступили в эти отношения (заключив отдельный договор или совершив очевидно свидетельствующие о намерении

вести переговоры действия). Тем более что такое соглашение будет регулировать не только вопросы возмещения убытков, но и вопросы взаимных обязанностей по добросовестному ведению переговоров, что именно стороны будут считать недобросовестным поведением и т.п. При этом если стороны переговоров будут вести их добросовестно, то вопрос о возмещении убытков и не возникнет вовсе. При этом нельзя сказать, что эти отношения (по ведению переговоров до заключения какого-либо договора об этом и без причинения на этом этапе убытков) безразличны для права, ведь уже на этой стадии отношений их участники должны действовать добросовестно. Однако эти новеллы пока не повлияли на французскую правовую доктрину.

Таким образом, на сегодняшний день согласно ст. 1112 Гражданского кодекса Франции инициатива, продолжение и разрыв переговоров должны в обязательном порядке отвечать требованиям добросовестности. А в случае нарушения этой обязанности будут применяться правила ст. 1240 Гражданского кодекса Франции, согласно которым любой факт причинения вреда, связанный с человеком, который причиняет вред другим, обязывает того, по чьей вине он был причинен, исправить его [4].

Возвращаясь к положениям ГК РФ о ведении переговоров, необходимо отметить, что при их разработке уже учитывался опыт других стран, но, на наш взгляд, законодатель постарался сохранить нейтралитет в определении правовой природы ответственности за недобросовестное ведение переговоров, позволив судебной практике и доктрине развивать заложенные в законодательстве идеи.

Правила ст. 434.1 ГК РФ начинаются с уточнения принципа свободы договора применительно к переговорам и закрепляют общее правило, что граждане и юридические лица свободны в проведении переговоров о заключении договора, самостоятельно несут расходы, связанные с их проведением, и не отвечают за то, что соглашение не достигнуто (п. 1 указанной нормы).

Следующий пункт этой статьи уже конкретизирует принцип добросовестности. В целом, следуя общедозволительному характеру метода гражданско-правового регулирования, законодатель устанавливает свободу ведения переговоров, не ограничивает возможность ведения переговоров сразу с несколькими контрагентами и оставляет риски, связанные с недостижением успеха в переговорах, за каждым из их участников, устанавливая лишь обязанность вести переговоры добросовестно.

Пунктом 3 ст. 434.1 ГК РФ установлено, что сторона, которая ведет или прерывает переговоры о заключении договора недобросовестно, обязана возместить другой стороне причиненные этим убытки.

Теоретическое осмысление указанных правил ГК РФ позволяет, основываясь на опыте других стран, предположить как минимум две теории о природе преддоговорной ответственности и преддоговорных правоотношениях.

Во-первых, следуя общепринятой доктрине во Франции (и схожести правового регулирования, в том

числе в отношении принципа генерального деликта) можно попытаться обосновать внедоговорный характер преддоговорных отношений и деликтный характер преддоговорной ответственности, которая возникнет только после причинения убытков контрагенту по переговорам. В этом случае, при недостаточности правил ст. 434.1 ГК РФ, subsidiarily должны будут применяться соответствующие нормы о деликтах.

В обоснование этой позиции может быть положена теория существования прав и обязанностей вне правоотношения. Так, еще Д.М. Генкин писал о возникновении субъективных прав и обязанностей непосредственно из норм права, без юридического факта и существования субъективного права вне правоотношения [14. С. 97–98]. А немецкий ученый К. Ларенц писал, что «преддоговорная ответственность носит объективированный характер» (цит. по: [15. С. 70]).

Еще одним доводом в пользу этой теории может стать характер убытков, подлежащих компенсации (компенсация так называемого негативного интереса). В пользу этой теории приводят и позицию Верховного Суда РФ о subsidiarily применении к ст. 434.1 ГК РФ правил ГК РФ о деликтах [16]. Однако если мы обратимся к п. 20 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» [8], то нельзя сказать, что Верховный Суд РФ именно определяет правовую природу преддоговорной ответственности (ст. 434.1 ГК РФ), а возможность применения правил о деликтах уже заложена в указанной статье ГК РФ. Согласно п. 8 ст. 434.1 ГК РФ правила указанной статьи не исключают применения к отношениям, возникшим при установлении договорных обязательств, правил главы 59 ГК РФ.

Характеристика же убытков (компенсация «негативного интереса») может быть обоснована не их деликтным характером, а этапом, на котором они возникают. Преддоговорные правоотношения характеризуются как организационные, направленные на формирование основного обязательства, и, соответственно, логично, что возмещение «позитивного интереса», как если бы договор был заключен, не является разумным и справедливым. При этом никто не может гарантировать ни то, что такой договор был бы в результате заключен, ни условия, на которых такой договор мог бы быть заключен.

Во-вторых, можно обосновать обязательственную природу преддоговорного правоотношения. В пользу данной теории может свидетельствовать место в ГК РФ самой нормы о ведении переговоров и о преддоговорной ответственности. Кроме того, очевидна и взаимосвязь положений указанной нормы с правилами п. 3 ст. 307 ГК РФ (при установлении, исполнении обязательства и после его прекращения стороны обязаны действовать добросовестно, учитывая права и законные интересы друг друга, взаимно оказывая необходимое содействие для достижения цели обязательства, а также предоставляя друг другу необходимую информацию).

По нашему мнению, закрепление обязанности вести себя добросовестно, вступая в переговоры, уже

свидетельствует о том, что законодательством регулируется сама стадия переговоров, а не только отношения, связанные с возмещением убытков, причиненных на этой стадии. Переговоры же предполагают наличие связи между как минимум двумя контрагентами, т.е. происходит персонализация таких участников. При этом переговоры не могут возникнуть без действий этих участников. Таким образом, для возникновения правовой связи нам необходима идентификация участников переговоров и совершения ими действий, очевидно свидетельствующих о желании вести переговоры. Только после совершения юридических фактов (например, вступление в переговоры обеих сторон, ответ на оферту с предложением обсудить дополнительные условия или заключить договор на иных условиях, направление предложения заключить договор стороне, которая не имеет права отказаться от его заключения, и т.п.) между определенными участниками гражданского права возникает обязательственная связь (а не абсолютная), характеризующаяся взаимной обязанностью действовать добросовестно, т.е. уважать права и интересы контрагента по переговорам, не прерывать переговоры неожиданно для другой стороны, не причинять своими недобросовестными действиями убытки другой стороне, предоставлять необходимую информацию и т.п.

Указанные характеристики позволяют сделать вывод, что преддоговорная ответственность связана с нарушением особого преддоговорного обязательства, содержанием которого является обязанность добросовестного поведения на этапе переговоров. Такой вывод, в свою очередь, означает, что при недостаточности правил ст. 434.1 ГК РФ нужно будет применять общие положения об обязательствах.

В пользу данной теории склоняется К.В. Нам. Автор пишет, что «даже неглубокий доктринальный, а формальный подход должен был здесь привести к тому, что правовая природа преддоговорной ответственности должна была искаяться в содержании преддоговорных отношений. Соответственно, наличие обязательственной связи до момента факта правонарушения должно вызывать сомнения в определении правовой природы преддоговорной ответственности как деликтной» [17].

Об актуальности и важности вопроса о правовой природе ответственности за недобросовестное ведение переговоров могут свидетельствовать и публикации, в которых авторы пока не определились с ответом на этот вопрос или видят возможность обосновать некий промежуточный вариант между названными теориями.

Е.А. Крашенинников и Ю.В. Байгушева предложили некую «промежуточную» теорию: преддоговорную ответственность нельзя квалифицировать ни в качестве деликтной ответственности, ни в качестве договорной ответственности, при этом, поскольку в основании возникновения ответственности за culpa in contrahendo лежит нарушение обязанности, которая, так же как и договорная обязанность, связывает поименно определенных лиц и возникает в результате совершения ими правомерных волевых действий,

к этой ответственности могут применяться по аналогии предписания о договорной ответственности [18. С. 82 и др.]. Таким образом, по мнению авторов, этот вид ответственности напрямую нельзя отнести ни к деликтной, ни к договорной, но все же она ближе к договорной ответственности, раз авторы рассматривают возможность применения именно этих норм по аналогии.

А.Г. Карапетов пишет, что «если мы действительно признаем идею генерального деликта, отказываемся от закрытого перечня защищаемых деликтным правом абсолютных прав и начинаем двигаться по французскому пути, то логично придерживаться и французской модели определения природы преддоговорной ответственности» [19. С. 886]. Доводом в пользу деликтной природы преддоговорной ответственности автор также считает то, что в российском гражданском праве действует правило строгой ответственности, не зависящей от вины (п. 3 ст. 401 ГК РФ), а представить не зависящую от вины ответственность за недобросовестное ведение переговоров сложно [19. С. 887].

М.Н. Малеина утверждает, что «закон предусматривает два порядка ведения переговоров о заключении договора: бездоговорный порядок на основе положений, предусмотренных Гражданским кодексом РФ, и договорный порядок с помощью соглашения о порядке ведения переговоров. Бездоговорный порядок предполагает, что закон порождает права и обязанности участников переговорных отношений и

определяет их содержание (ст. 434.1, гл. 59 ГК РФ и др.)» [20. С. 37]. К сожалению, автор не раскрывает более подробно свое видение в отношении природы преддоговорных отношений, но из приведенной цитаты можно предположить, что права и обязанности возникают из закона, а не в связи с совершением определенных действий участниками гражданского оборота. А, кроме того, такие же права и обязанности по добросовестному ведению переговоров могут возникнуть из соглашения сторон. Если следовать идее автора, то, возможно, в первом случае природа ответственности будет деликтной, а во втором – договорной.

Как уже выше отмечалось, по своей сути это будет одно и то же организационное правоотношение между конкретными участниками переговоров независимо от того, вступили в него стороны, начав переговоры или заключив специальное соглашение о порядке ведения переговоров. Это правоотношение направлено на формирование будущего договорного правоотношения, а его содержанием является взаимная обязанность добросовестного поведения участников переговоров. И не имеет значения для определения его правовой природы, возникло ли оно на основании специального соглашения о переговорах или в результате действий, свидетельствующих о вступлении в переговоры. А это говорит об обязательственной природе отношений по ведению переговоров и, соответственно, обязательственной природе ответственности за недобросовестное ведение переговоров.

ЛИТЕРАТУРА

1. Муратова О.В. Преддоговорные отношения в международном коммерческом обороте: от материально-правового к коллизионному регулированию : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017.
2. Якубчик М.М. *Culpa in contrahendo* и другие доктрины преддоговорной ответственности // Актуальные проблемы гражданского права : сб. работ выпускников РШЧП 2009 г. Вып. 14. М. : Статут, 2012. С. 199–225.
3. Гражданский кодекс Франции (Кодекс Наполеона) / пер. с фр. В.Н. Захватаева. М. : Инфротропик Медиа, 2012.
4. Civil Code. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/codes/id/LEGIARTI000032040805/2016-10-01>
5. Мазур О.В. Преддоговорная ответственность: анализ отдельных признаков недобросовестного поведения // Закон. 2012. № 5. С. 197–205.
6. Дёмкина А.В. Преддоговорное правоотношение-обязательство: основы теории. М. : Проспект, 2020. 272 с.
7. LAW No. 2018-287 of April 20, 2018 ratifying Ordinance No. 2016-131 of February 10, 2016 reforming contract law, the general regime and proof of obligations. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000036825602&dateTexte&categorieLien=id>
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // СПС Консультант Плюс.
9. Jean-Luc Soulier. Ordinance of February 10, 2016 for the reform of French contract law: The principle of the binding force of contracts is considerably undermined by the new provisions of the French Civil Code. URL: www.soulier-avocats.com/en/ordinance-of-february-10-2016-for-the-reform-of-french-contract-law-the-principle-of-the-binding-force-of-contracts-is-considerably-undermined-by-the-new-provisions-of-the-french-civil-code/
10. Новицкий И.Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права // Вестник гражданского права. 2006. № 1. СПС КонсультантПлюс.
11. Будылин С. Реформа французского ГК: Сводка ключевых новелл. URL: https://zakon.ru/blog/2016/3/17/reforma_francuzskogo_gk_svodka_klyuchevyh_novell
12. Доклад Президенту Республики. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000032004539>
13. Величко В. Преддоговорная ответственность во Франции. URL: http://m-logos.ru/img/Tezis_M-Logos_23052018_V_Velichko.pdf
14. Генкин Д.М. Право собственности как абсолютное субъективное право // Советское государство и право. 1958. № 6.
15. Гнидевич К.В. Преддоговорная ответственность в гражданском праве (*culpa in contrahendo*) : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2009. 209 с.
16. Разъяснения Верховного Суда РФ об ответственности за нарушение обязательств / Юридическая фирма «Гольцблат БЛП», Практика по разрешению споров, Интеллектуальная собственность, Коммерческая практика, Проекты // СПС КонсультантПлюс. 2016.
17. Нам К.В. Принцип добросовестности: развитие, система, проблемы теории и практики. М. : Статут, 2019. 278 с.
18. Крашенинников Е.А., Байгушева Ю.В. Обязанности при ведении преддоговорных переговоров // Вестник ВАС РФ. 2013. № 6. С. 82–93.
19. Договорное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 420–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А.Г. Карапетов. М. : М-Логос, 2020. 1425 с.
20. Малеина М.Н. Переговоры о заключении договора (понятие, правовое регулирование, правила) // Журнал российского права. 2016. № 10. С. 36–46.

Статья представлена научной редакцией «Право» 28 января 2021 г.

Responsibility for Unfair Negotiation Under the Laws of Russia and France: A Comparative Legal Analysis

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 467, 244–250.

DOI: 10.17223/15617793/467/30

Alesia V. Demkina, State Duma (Moscow, Russian Federation). ale-demkina@ya.ru

Keywords: principle of good faith; negotiations; pre-contractual legal relationship; pre-contractual obligations; pre-contractual liability

The article discusses the relatively new rules of Art. 434.1 of the Civil Code of the Russian Federation on negotiating and the question of the legal nature of pre-contractual liability. The answer to the question determines the norms to be applied if the rules of Art. 434.1 – general provisions on obligations or norms on tort – are insufficient. The question of the legal nature of liability at the negotiation stage is controversial not only for the domestic legal order. The principle of general tort laid down in the French Civil Code allowed scholars to extend the application of tort liability to cases of damages for guilty behavior at the negotiation stage even before the reform of French contract law. After the reform of French contract law (2016), rules on negotiations appeared in the French Civil Code. These rules on negotiations establish the general principles of negotiation: the principle of freedom of negotiations (their initiation, conduct, and exit from negotiations are carried out freely) and the principle of good faith in negotiations (the initiative, continuation, and termination of negotiations must meet the requirements of good faith (Article 1112 of the French Civil Code)), and also establish the limits of pre-contractual liability. According to French scholars, pre-contractual liability is tort in nature, unless the parties conclude an agreement between themselves to negotiate. In the latter case, pre-contractual liability will follow from the contract. The article provides a comparative legal analysis of the provisions of the Civil Codes of Russia and France, and different positions of scholars on the nature of pre-contractual liability. In the domestic legal system, pre-contractual relations are regulated by law, and they are not just a legal relationship, but an obligation. The basis for the emergence of such an obligation is certain actions of partners to enter into negotiations. Special rules of the Civil Code of the Russian Federation provide that actions taken to enter into negotiations (for example, if the conclusion of an agreement is mandatory for one party) or actions of both partners entail legal consequences – the obligation to negotiate in good faith. Violation of this obligation will be followed by liability in the form of damages. All this allows coming to the conclusion about the obligatory nature of the negotiating relationship and, accordingly, the obligatory nature of liability for unfair negotiation.

REFERENCES

1. Muratova, O.V. (2017) *Preddogovornye otnosheniya v mezhdunarodnom kommercheskom oborote: ot material'no-pravovogo k kollizionnomu regulirovaniyu* [Pre-contractual relations in international commercial turnover: from substantive to conflict regulation]. Law Cand. Diss. Moscow.
2. Yakubchik, M.M. (2012) Culpa in contrahendo i drugie doktriny preddogovornoj otvetstvennosti [Culpa in contrahendo and other doctrines of pre-contractual liability]. In: *Aktual'nye problemy grazhdanskogo prava: sbornik rabot vypusknikov RShChP 2009 g.* [Topical issues of civil law: a collection of works by graduates of the 2009 Russian School of Private Law]. Vol. 14. Moscow: Statut. pp. 199–225.
3. Infrotropik Media. (2012) *Grazhdanskiy kodeks Frantsii (Kodeks Napoleona)* [French Civil Code (Napoleon Code)]. Translated from French by V.N. Zakhvataev. Moscow: Infrotropik Media.
4. France. (2016) *Civil Code*. [Online] Available from: <https://www.legifrance.gouv.fr/codes/id/LEGIARTI000032040805/2016-10-01>
5. Mazur, O.V. (2012) Preddogovornaya otvetstvennost': analiz otdel'nykh priznakov nedobrosovestnogo povedeniya [Pre-contractual liability: analysis of individual signs of unfair behavior]. *Zakon*. 5. pp. 197–205.
6. Demkina, A.V. (2020) *Preddogovornoe pravootnoshenie-obyazatel'stvo: osnovy teorii* [Pre-contractual obligation relationship: the foundations of the theory]. Moscow: Prospekt.
7. France. (2018) *LAW No. 2018-287 of April 20, 2018 ratifying Ordinance No. 2016-131 of February 10, 2016 reforming contract law, the general regime and proof of obligations*. [Online] Available from: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000036825602&dateTexte&categorieLien=id>
8. Russian Federation. (2016) *Resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of March 24, 2016, No. 7 “On the application by courts of certain provisions of the Civil Code of the Russian Federation on liability for violation of obligations”*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_195783/
9. Soulier, J.-L. (2016) *Ordinance of February 10, 2016 for the reform of French contract law: The principle of the binding force of contracts is considerably undermined by the new provisions of the French Civil Code*. [Online] Available from: www.soulier-avocats.com/en/ordinance-of-february-10-2016-for-the-reform-of-french-contract-law-the-principle-of-the-binding-force-of-contracts-is-considerably-undermined-by-the-new-provisions-of-the-french-civil-code/
10. Novitskiy, I.B. (2006) Printsip dobroy sovesti v proekte obyazatel'stvennogo prava [The good conscience principle in the draft law of obligations]. *Vestnik grazhdanskogo prava*. 1.
11. Budylin, S. (2016) *Reforma frantsuzskogo GK: Svodka klyuchevykh novell* [Reform of the French Civil Code: A Summary of Key Novels]. [Online] Available from: https://zakon.ru/blog/2016/3/17/reforma_francuzskogo_gk_svodka_klyuchevykh_novell
12. France. (2016) *Report to the President of the Republic*. [Online] Available from: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000032004539> (In French).
13. Velichko, V. (2018) *Preddogovornaya otvetstvennost' vo Frantsii* [Pre-contractual liability in France]. [Online] Available from: http://m-logos.ru/img/Tezis_M-Logos_23052018_V_Velichko.pdf
14. Genkin, D.M. (1958) Pravo sobstvennosti kak absolютnoe sub'ektivnoe pravo [Property right as an absolute subjective right]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. 6.
15. Gnitsevich, K.V. (2009) *Preddogovornaya otvetstvennost' v grazhdanskom prave (culpa in contrahendo)* [Pre-contractual liability in civil law (culpa in contrahendo)]. Law Cand. Diss. St. Petersburg.
16. BCLP. (2016) *Raz'yasneniya Verkhovnogo Suda RF ob otvetstvennosti za narushenie obyazatel'stv* [Clarifications of the Supreme Court of the Russian Federation on liability for breach of obligations]. [Online] Available from: <https://bclplaw.ru/actual/legal/85281/>
17. Nam, K.V. (2019) *Printsip dobrosovestnosti: razvitie, sistema, problemy teorii i praktiki* [The principle of conscientiousness: development, system, problems of theory and practice]. Moscow: Statut.
18. Krashenninnikov, E.A. & Baygusheva, Yu.V. (2013) Obyazannosti pri vedenii preddogovornykh peregovorov [Liabilities in the conduct of pre-contractual negotiations]. *Vestnik VAS RF*. 6. pp. 82–93.
19. Karapetov, A.G. (ed.) (2020) *Dogovornoe pravo (obshchaya chast')*: postateynnyy kommentariy k stat'yam 420–453 Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii [Contract law (general part): article-by-article commentary to articles 420–453 of the Civil Code of the Russian Federation]. 2.0 ed. Moscow: M-Logos.
20. Maleina, M.N. (2016) Peregovory o zaklyuchenii dogovora (ponyatie, pravovoe regulirovanie, pravila) [Negotiations on the conclusion of an agreement (concept, legal regulation, rules)]. *Zhurnal rossiyskogo prava – Journal of Russian Law*. 10. pp. 36–46.

Received: 28 January 2021